

КОМПЛЕКСЫ ЛЕПНОЙ И РАННЕКРУГОВОЙ КЕРАМИКИ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ: ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РИТМЫ МИГРАЦИИ

© 2022 г. С. З. Чернов*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: chernovsz@mail.ru*

Поступила в редакцию 28.03.2022 г.

После доработки 05.05.2022 г.

Принята к публикации 14.06.2022 г.

Автор предполагает, что состав керамики селища Болшево 3 на Верхней Клязьме (Московская область) второй половины XI в. восходит к керамической традиции новгородско-смоленского пограничья 1025–1050 гг. и Верхней Волги. В этот период навыки изготовления лепной посуды баночного типа еще сохранялись, раннекруговые эсовидные сосуды со срезанными венчиками уже использовались, а западнославянские типы раннекруговой посуды вышли из употребления. Закрытые комплексы керамики XI в., включающие лепную и раннекруговую посуду, рассматриваются как источник установления даты поселения. Асинхронность близких по типологическому составу комплексов, по мнению автора, дает возможность извлечь дополнительную историческую информацию о направлении миграций.

Ключевые слова: Древняя Русь, керамика XI в., селище Болшево 3, кривичи, Городок на Ловати.

DOI: 10.31857/S0869606322040080

Изучение закрытых комплексов керамики из жилых построек Центральной России XIII–XVI вв. показало, что при тщательной полевой фиксации, описании керамики на уровне типов и вариантов, а также учете их процентного соотношения данный археологический источник обладает значительными возможностями в плане датировки. Проверка ранее полученных выводов (Московская керамика..., 1991) с помощью комплексов второго поколения (с монетами и радиоуглеродными датами) свидетельствует о том, что закрытый комплекс керамики способен датировать сооружение с точностью до четверти столетия (Савельев и др., 2016; Чернов, Волков, 2016; Чернов, 2017). Применение этого опыта к изучению закрытых комплексов керамики, включающих лепную и раннекруговую посуду древнерусского времени, кажется весьма перспективным. Этот материал содержит бесценную информацию о местных традициях керамического ремесла, которые по большей части имеют этносоциальную окраску.

В то же время при работе с комплексами, содержащими лепную и раннекруговую посуду, необходимо принять во внимание, что в отличие от периода развитого средневековья многие территории Древней Руси и, в частности, западная часть Волго-Окского междуречья в XI в. были зо-

ной миграции. По этой причине фиксируемая на основе керамического материала археологически картина отражает несколько процессов:

— бытование керамики у автохтонного населения, для которого было характерно доминирование местной традиции изготовления лепной посуды, незначительный процент раннекруговой керамики и медленный процесс ее распространения;

— бытование керамики у вновь пришедших групп населения, для которых были характерны доминирование раннекруговой керамики и ускоренный процесс ее распространения;

— культурные контакты и общие веяния моды, ведущие к унификации керамического ремесла, что в конечном счете привело к формированию классической гончарной древнерусской посуды, характерной для середины—второй половины XII в.

Для того чтобы объемно видеть указанные процессы, необходимо обладать не отдельными закрытыми комплексами керамики из построек, но сочетанием таких комплексов из нескольких усадеб, сменявших друг друга на одном поселении. На территории Московской области лишь три поселения XI в. начали исследоваться более или менее широкой площадью. В бассейне Моск-

вы-реки это селища Хотяжи (240 м²) (Алексеев, 2004; Заидов и др., 2018), Жданово 1 (344 м²) (Гоняный, 1999) и Покров 5 (208 м²) (Юшко, 1998), а на Верхней Клязьме — Болшево 3 (1116 м²), которое интерпретируется как погост у начала волокового пути в Москворечье (Чернов, Волков, 2009а, б) (рис. 1, 27, 45, 49, 56).

Перед тем как обратиться к керамическим материалам, необходимо сказать несколько слов о топографии поселения, следами которого является селище Болшево 3. Оно располагалось в геоморфологических условиях, типичных для XI в., — на наволоке, выше по течению того места, где к реке выходил высокий коренной берег. Как показали раскопки, усадьбы располагались вдоль реки так, что между их селитебными ядрами оставались незастроенные участки длиной в 15–20 м (рис. 2). Южную усадьбу маркируют яма 15 (Чернов, Волков, 2009а. С. 134. Рис. 15, нижняя часть) и зона распространения раннекруговой керамики на участках А и Б раскопа 1 и шурфа 9. В 15 м к северу располагалась центральная усадьба, представленная постройками¹ 20 и 31.

Участок, где можно было бы предполагать обнаружение следующей усадьбы, свободен от ям древнерусского времени. Об этом свидетельствует раскоп 2 (92 м²), давший минимальное количество древнерусской керамики. Полностью отсутствуют следы слоя этого времени и в траншее, заложенной восточнее, на склоне к пойме². Отсутствие жилых сооружений связано с тем, что в районе раскопа 2 наблюдается понижение рельефа (рис. 2), которое севернее сменяется подъемом. В начале этого подъема, в 38 м к северо-западу от шурфа 5, в раскопе 3, исследована яма 6 с прилегающими к ней ямами 16–20 — древнее ядро северной усадьбы (рис. 3), а в 10 м к северу — ямы 1–3, отражающие более поздний этап ее жизни.

Что касается склона к р. Клязьма к востоку северной усадьбы, то он изучен раскопом 4 весьма детально (рис. 2). В северной, возвышенной, части раскопа прослежены три хозяйственные ямы, а в южной, пониженной и подтопленной, ям древнерусского времени нет. Та же картина выклинивания слоя прослеживается в траншее и шурфе 4. Все это позволяет заключить, что на склоне к пойме не было второго ряда усадеб. Все жилые постройки были размещены в узком (около 1 м) диапазоне высот над уровнем Клязьмы (3.72–4.64 м). По мере продвижения на север ре-

ка отступала от коренного берега, поэтому жилые постройки приходилось размещать все далее от воды, чтобы не соприкоснуться с уровнем, на котором выходили грунтовые воды.

Прояснив внутреннюю логику формирования планировки поселения, следует кратко проанализировать имеющиеся данные о хронологии жилых построек южной, центральной и северной усадеб (таблица). Это важно для понимания контекста керамического комплекса из ямы 6, который является предметом нашего исследования.

Как можно видеть из таблицы, первые жилые постройки на усадьбах возникли в период бытования лепной керамики, т.е. в XI в. — вначале на центральной (яма 20), а затем — на северной усадьбе (яма 6). Древнейшая постройка 20 содержала калачевидное кресало с язычком³, крылатый псалий с полукруглым стержнем и боковым щитком с двумя отверстиями, являющийся элементом удил III типа⁴, а также лепную и раннекруговую посуду в соотношении 80/20% и датирована второй–третьей четвертью XI в. В этой постройке найдена лощеная керамика с саблевидным профилем, близкая находкам из мерянских памятников, керамика ладожского типа с ребром по плечу, а также роменский сосуд с защипами по краю венчика (Чернов, Волков, 2009а).

В первой четверти XII в. на каждой усадьбе на смену ранним постройкам приходят новые, для которых характерны отсутствие лепной керамики и сочетание раннекруговой и курганной посуды. Для южной усадьбы это яма 15, для центральной — уникальная по инвентарю яма 31. Обитатели этой усадьбы, судя по находкам боевых стрел, бляшки от поясного набора профессионального воина, близкого кругу скандинавских древностей X–XI вв., и креста-тельника с эмалью, выполняли военно-торговые функции на Клязьминско-Яузском водно-волоковом пути в первой четверти XII в. (Чернов, Волков, 2010). На северной усадьбе в этот период возникают яма 9 и новое жилье (ямы 2, 3), поставленное в 10 м к северу.

Третий этап жизни (яма 2 южной усадьбы), для которого характерно сочетание курганной керамики и посуды, напоминающей сероглиняную, выделяется с трудом. На селище Болшево 3, которое нельзя отнести к рядовым сельским поселе-

³ Датировается по новгородским аналогиям X–XI вв. (Колчин, 1959. С. 99. Рис. 84, 122; 1982. С. 163. Рис. 4).

⁴ Удила III типа использовались в XI и отчасти в XII в. прежде, чем в XII в. широкое распространение получили двухзвенные удила (Кирпичников, 1973. С. 16. Рис. 4; 5, 12). В отличие от крылатого псалия из Новгорода второй половины XI в. (Кирпичников, 1973. Рис. 54, 3) щиток болшевского псалия прямоугольный, а стержень менее изогнут. Последние особенности роднят его с псалиями удил типа I а, относящихся к X–началу XI в.

¹ В 17 м от них к северу, возможно, располагалась еще одна усадьба — об этом говорит культурный слой (30 см) с древнерусской керамикой, перекрытый пахотным горизонтом в районе шурфов 2 и 5 (Чернов, 2000 Л. 26–28).

² В южной части этой траншеи зафиксирована небольшая яма, связанная с производством кричного железа, которое обычно размещалось на периферии усадеб.

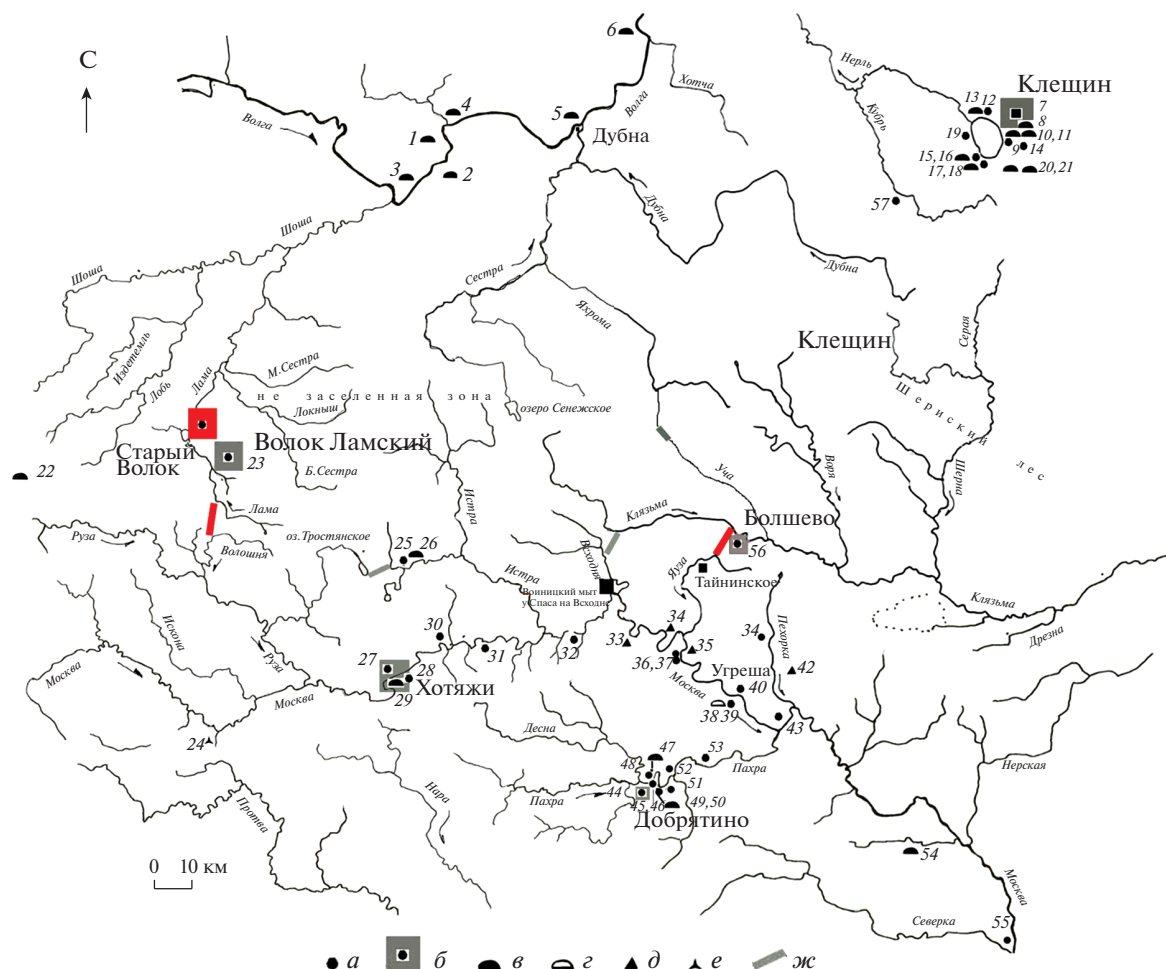

Рис. 1. Западная часть Волго-Окского междуречья в IX–XI вв. Схема расположения памятников археологии. Памятники Конаковского (1–4) и Кимрского (5, 6) р-нов Тверской обл.: 1 – курганный могильник (далее к.м.) Глиники (погр. с дирхемами 823, 908–997 гг. в к. 8, 15, 17, 31 и денариями 1038–1057 гг. в к. 10, 22); 2 – к.м. Заборье (погр. с денарием 1027–1054 гг. в к. 22); 3 – к.м. Загорье (погр. с дирхемами 914–943 гг. в к. 24 и денариями 1027–1086 гг. в к. 15, 18); 4 – к.м. Устье (погр. с дирхемами 914–943 гг. в к. 3 и денариями 1027–1068 гг. в к. 7, 13); 5 – к.м. Пекуново 2 (погр. с дирхемами 914–985 гг. из к. 12, 40, 51, подражаниями дирхемам из к. 32 и денариями первой половины X в., 983–1076 гг. из к. 5, 6, 11, 18, 19, 21, 26, 43, 63, 66 и к. 1, 4, 8, 15 нумерации 1972 г.); 5а – Пекуновское селище (40% лепной керамики, золотостеклянные бусины); 6 – к.м. Плешково (погр. с дирхемами 917–997 гг. из к. 1–2, 1–26, 1–29 и денариями 947–1090 гг. из к. 1–7, 11–2, 11–3, 1–2, 1–10, 1–12, 1–16, 1–17, 1–20).

Памятники Переславского р-на Ярославской обл.: 7 – Александрова гора, городище (2-й слой X–XI вв. – монеты 858, 960 гг.); 7б – селище 1 у с. Городище (посад города Клешино, X–XI вв., 13 га (50% лепной керамики, кресты с эмалью, пломбы, фрагмент подвеска со знаком князя Владимира Святославича или Ярослава Мудрого) (Н.А. Макаров, исследования 2014–2015 гг.); 8 – к.м. Городище 5 (237 курганов, в том числе XI в.); 9 – селище Слуда 1 и 5; 10 – могильник Городище 7 (627 курганов: 123 кремации и 504 ингумации, в том числе XI в.); 11 – к.м. Городище 1 (202 курганов, в том числе с денариями 936–961, 978–1016 и 1057–1058 гг.); 12 – Криушкино, поселения 1, 2, селища 1, 2; 13 – Криушкино, к.м. 5 (100 курганов, в том числе погребения с денариями); 14 – Борисоглебская слобода, селище; 15 – Вельское, селище 1 (Ботик); 16 – Вельское, к.м. 1 (412 курганов: 243 кремации, 168 ингумаций, в том числе XI в.); 17 – Вельское, селище 2; 18 – Вельское, к.м. 2; 19 – Соломино, поселение 1; 20 – Брембола, к.м. Княжьи Могила (ингумации с денариями 915–970-х годов и монетой Константина Багрянородного 912–939 гг., кремация с подвеской из монеты Оттона I); 21 – Брембола, к.м. Крутлы (97 курганов: 53 кремации, 44 ингумации, в том числе погребение с дирхемами 905–915 гг.).

Памятники запада Московской обл.: 22 – курганный могильник Елизаров (Шаховской р-н) (погребение с денариями 1020–1086 гг. в к. 26); 23 – селище Лама 1 (“Старый Волок” – первоначальный Волоколамск); 24 – местонахождение украшений XI в. на посаде г. Можайск; 25, 26 – селище и к.м. Шейки (Истринский р-н) (погребения с денариями 1024–1086 гг. в к. 36, 72, 76).

Памятники Одинцовского р-на Московской обл.: 27 – селище Хотяжи 1 (левобережное), дирхемы 906/907 и 939/940 гг. из раскопа 2009 г. Н.А. Кренке; 28 – селище Хотяжи 2 (правобережное) (денарий 1059–1071 гг., подражание дирхеме 914–943 гг.); 29 – к.м. Хотяжи (Мышкино) (кремации и ингумации); 30 – селище Саввинская слобода 2, жилище 3 конца IX–X в., (радиоуглеродная дата около 775–963 гг.), с салтовским перстнем, боченковидной весовой гирькой, привеской из клыка медведя; 31 – селище Поречье 2; 32 – селище Жуковское.

Памятники г. Москвы: 33 – находки дирхемов 753–775, 790, 806–808 гг. на городище Кунцевское; 34 – находки дирхемов 862 и 866 гг. на месте храма Христа Спасителя; 35 – находка обломка дирхема у Симона монастыря; 36 – селище Даниловское 1 (в Свято-Даниловом монастыре); 37 – селище Даниловское 2 (в Даниловской слободе).

Памятники Московской обл.: 38 – большой Беседский курган; 39 – селище Беседы (Ленинский р-н); 40 – селище на территории Николо-Угрешского м-ря (г. Дзержинский); 41 – селище Акатово 2 (Балашихинский р-н); 42 – Коренево (Раменский р-н), клад дирхемов IX–X вв.; 43 – селище Заозерье 2 (Раменский р-н), находка браakteата дирхема.

Памятники Подольского р-на Московской обл.: 44 – селище Добрытино 1; 45 – селище Жданово 1; 46 – селище Стрелково 1; 47 – к.м. Стрелково (из 13 курганов 1 с кремацией); 48 – селище Стрелково 2; 49 – селище Покров 5; 50 – к.м. Покров; 51 – поселение на городище Щербинское; 52 – селище Макарово 1; 53 – селище Новое Сыаново 3.

Памятники Московской обл.: 54 – к.м. Давыдово на р. Отра (Раменский р-н) (денарий 1068–1090 гг. в насыпи кургана диам. 7 м); 55 – селище Северское (Коломенский р-н); 56 – селище Болшево 3 (г. Королев); 56а – дирхем 862/863 г., найденный на поле д. Бурково в 2014 г.

Памятник Александровского р-на Владимирской обл.: 57 – городище Золотая чаша у д. Ям близ летописной Ждан-горы.

Условные обозначения: а – открытые поселения с лепной и раннекруговой керамикой; б – центры торгово-ремесленной деятельности с дружинными древностями; в – курганные могильники с ингумациями XI в.; г – курганные могильники с кремациями; д – клад куфических монет IX–X в. и западноевропейских монет X–XI вв.; е – место находки; жс – волок на водно-волоковых путях.

Fig. 1. Western part of the Volga-Oka interfluvium in the 9th–11th centuries. Location of archaeological sites

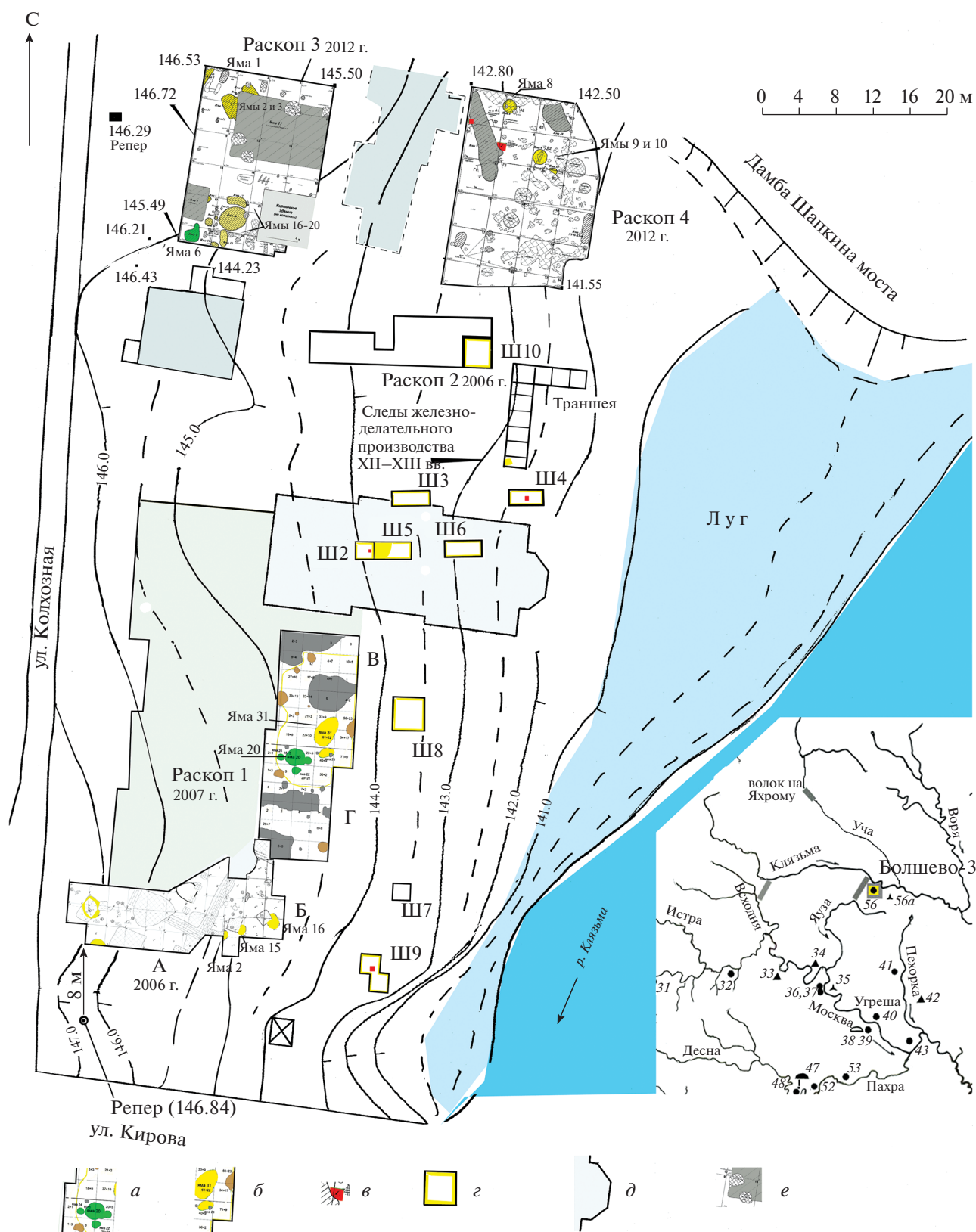

Рис. 2. Селище Болшево 3. Сводный план раскопов и расположение усадеб. Условные обозначения: *а* – сооружения с лепной керамикой XI в.; *б* – сооружения с круговой керамикой XII–XIII вв.; *в* – местонахождения керамики бронзового и раннего железного веков; *г* – шурфы с древнерусской круговой керамикой; *д* – участки культурного слоя, утраченные при строительстве дома 2006 г.; *е* – участки культурного слоя, утраченные при строительстве XVIII–XIX вв.

Fig. 2. The settlement of Bolshevo 3. Consolidated plan of excavations and the location of estates

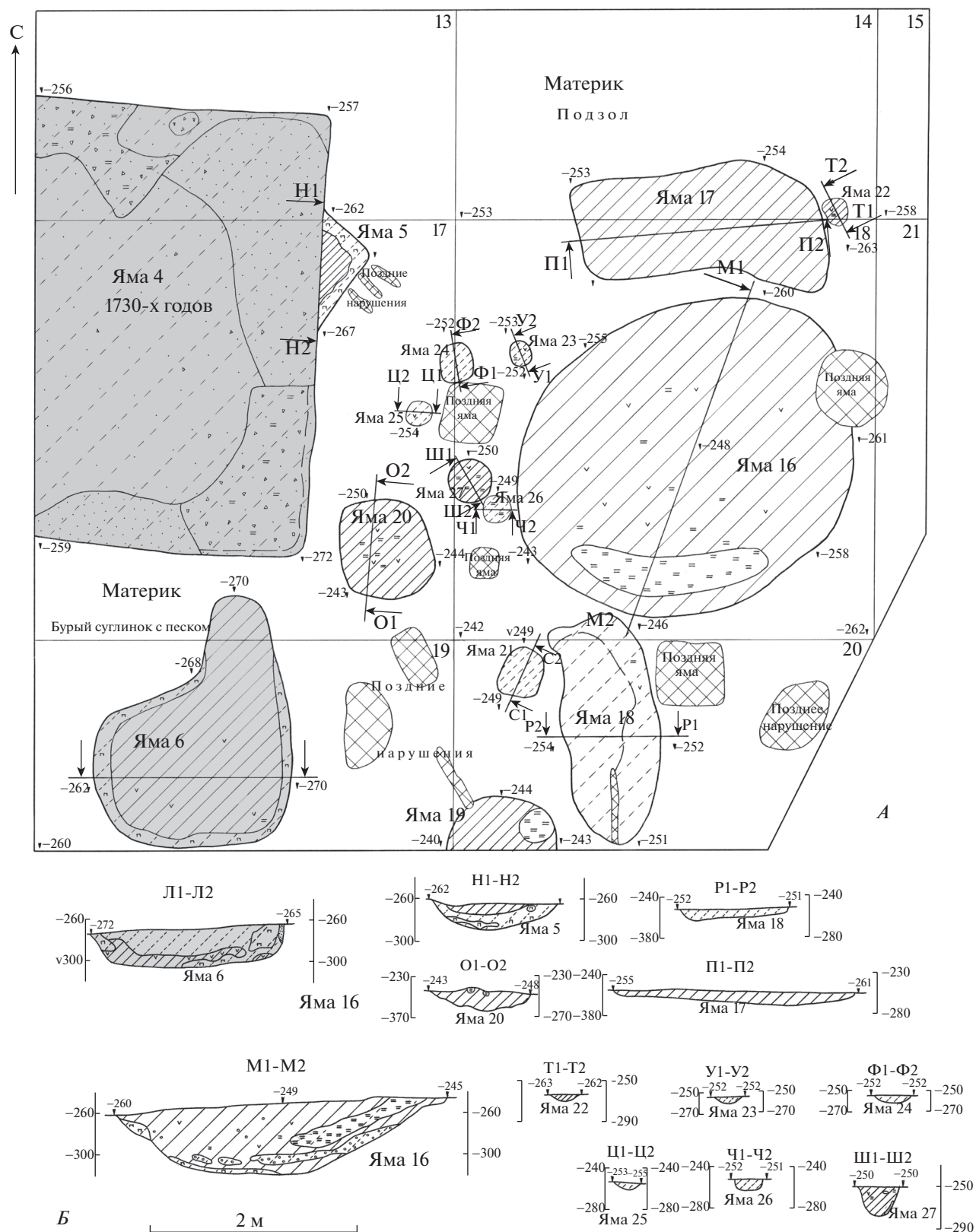

Рис. 3. Селище Болшево 3. Ранняя часть северной усадьбы — яма 6 и окружающие ее объекты. А — план южной части раскопа 3; Б — профили ям.

Fig. 3. The settlement of Bolshevo 3. The early part of the northern estate — pit 6 and surrounding objects

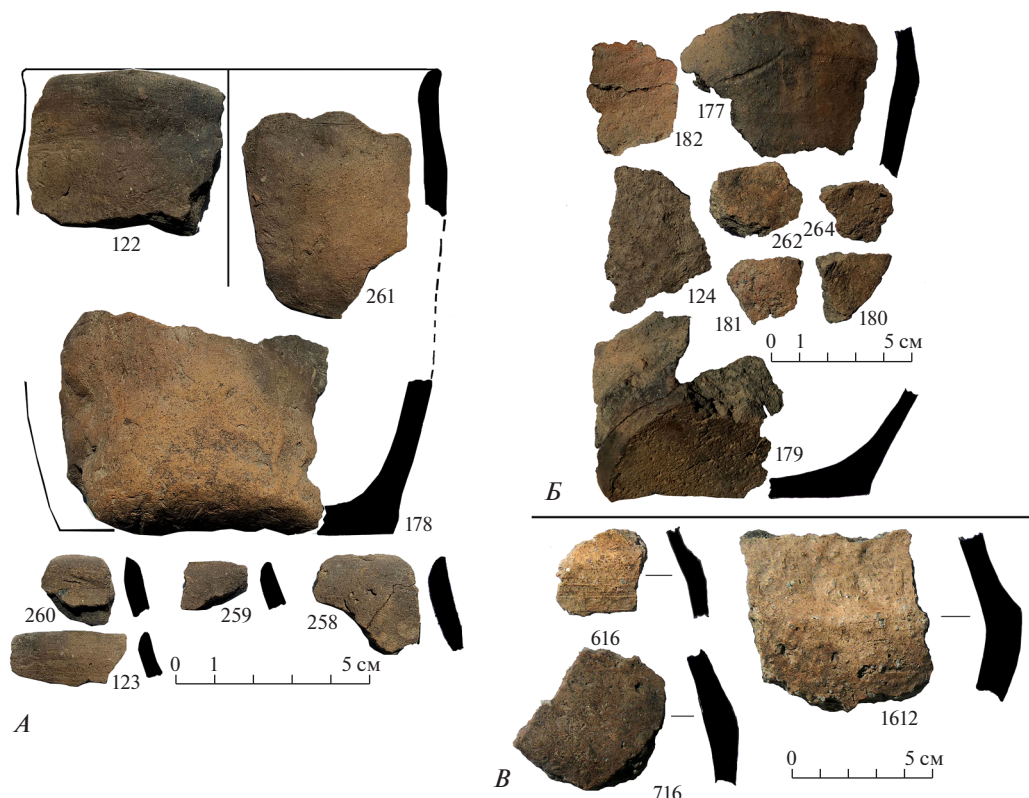

Рис. 4. Лепная керамика селища Болшево 3. Усадьбы северная, яма 6 (А, Б), и центральная, верхний слой у ямы 20 (Б). А — фрагменты сосудов баночной формы; Б, Б — с ребром по плечу. При фрагменте здесь и далее указан его номер по описи.

Fig. 4. Handmade ware from Bolshevo settlement 3. Northern estate, pit 6 (А, Б), and central estate, upper layer near pit 20 (Б)

ниям, на площади 1150 м² не найден ни один стеклянный браслет. Это дает основание полагать, что к концу XII в. наволок был оставлен. По-видимому, усадьбы людей, которые были захоронены во 2-м Большевском курганном могильнике второй половины XII — первой половины XIII в. (Чернов, 2004. С. 244), были перенесены на более возвышенные места.

Таким образом, постройка, следами которой является яма 6 северной усадьбы, была возведена после появления (или в период функционирования) первой постройки центральной усадьбы (яма 20) и до возникновения там на рубеже XI—XII в. новой постройки (яма 31), связанной с контролем над водно-волоковым путем. Северная усадьба, бедная находками, скорее всего, была населена теми, кто был связан с перегрузкой товаров, извозом, выплавкой железа.

Комплекс керамики из ямы 6 (329 фрагм.) представляет керамическую традицию первопоселенцев северной усадьбы в период, когда лепная керамика использовалась наряду с раннекруговой. Здесь найдено 329 фрагментов древнерусской керамики (в коллекции — 230 фрагм.). Без учета мелких и неидентифицируемых фрагментов (до

1 см) распределение типов следующее: 6.5% — лепная древнерусская посуда, 33% — раннекруговая и 60.5% — развитая круговая, близкая к курганной, керамика. При учете исключительно венчиков соотношение типов несколько меняется: 16/42/42%, что, видимо, точнее отражает реальную ситуацию.

Среди лепной керамики выделяются крупные фрагменты горшка с ребром по плечу от сосуда биконической формы (рис. 4, Б). Подобные сосуды найдены и в наиболее ранней яме 20 центральной усадьбы (рис. 4, В). Возможность их интерпретации как керамики “ладожского типа”, которую принято рассматривать в качестве этно-маркера новгородских словен, может быть предметом дальнейших исследований. Следует отметить, что по наблюдениям Н.А. Кренке, керамика биконических форм найдена на селище X—XI вв. близ Данилова монастыря в Москве, а также селищах в Поречье и Хотяжи под Звенигородом (Беляев и др., 2010. С. 110, 111. Рис. 7, а). Керамика биконических форм имеет параллели с ребристой керамикой мерянских памятников (Леонтьев, 1996. С. 181. Рис. 77, 6).

Особенно интересен небольшой лепной сосуд баночной формы, от которого сохранились вен-

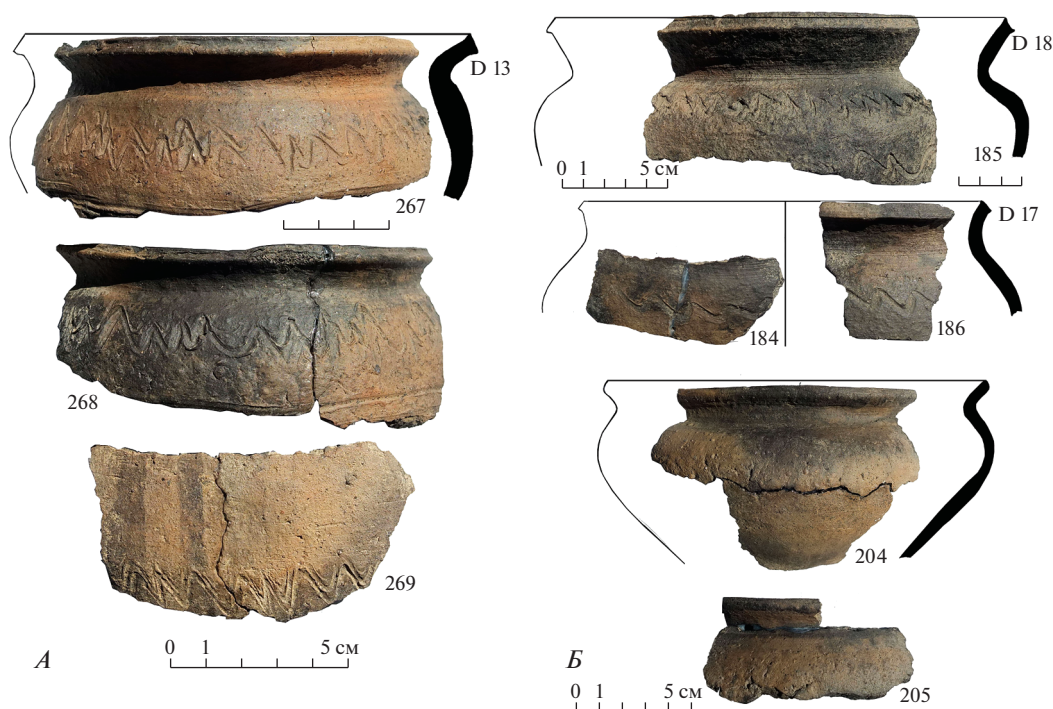

Рис. 5. Раннекруговая и развитая круговая керамика селища Болшево 3, северная усадьба, яма 6. *А*, *Б* (фрагм. 184–186) – раннекруговая со срезанным венчиком; *Б* (фрагм. 204, 205) – развитая круговая.

Fig. 5. Early and developed wheel-made pottery from the settlement of the Bolshevo 3, northern estate, pit 6

чик, фрагмент тулова и донце (рис. 4, *А*, 122, 261, 178). Диаметр венчика – 10,5 см. Высота восстанавливается приблизительно – 11,5 см. Венчик имеет вертикальную форму. Его край немного завернут наружу и заострен. Имеется еще четыре венчика близкой формы – видимо, эта форма лепной посуды была ведущей (рис. 4, *А*, 123, 258, 259, 260). Интересно, что подобной керамики нет в яме 20, исследованной в 2007 г. В то же время в яме 6 нет характерных для ямы 20 горшков с лощением и “саблевидным” венчиком, которые идентифицируются как мерянские.

Ведущая форма завершения раннекруговых горшков – срезанные венчики (4 вариант)⁵. Горшки небольшие (диаметры венчиков – 13, 18 и 17 см – рис. 5). Один из них украшен двухрядной волной с заострениями и горизонтальной полосой (рис. 5, *А*), второй – двумя линиями волнистого орнамента – на плечике и тулове (рис. 5, *Б*, 185), третий – одной линией волнистого орнамента по плечу (рис. 5, *Б*, 184–186). Многорядная с заострениями на концах волна зафиксирована и на фрагментах стенок сосудов (рис. 6, *А*, 191, 192, 270, 279). Подобная орнаментация зафиксирована в керамическом комплексе ямы 30 Болшево (Чернов, Волков, 2009а. С. 134. Рис. 15, верхняя часть; 2010. С. 145. Рис. 5, верхняя часть),

а также на селище Дьяково-пойма (Кренке, 2004. С. 207. Рис. 46, *Б*, 4). Кроме того, имеются стенки, украшенные равномерно размещенными по тулову сосуда рядами штампованного орнамента (рис. 6, *А*, 194, 280, 281, 336) – аналогии известны на селище Дьяково-пойма (Кренке, 2004). В Суздале подобная керамика, описанная В.А. Лапшиным как тип 1а–в, присутствует вместе с небольшим процентом лепной посуды в комплексах, погибших в пожаре (предположительно датированном 1096 г.) и перекрытых валом (№ 3–8), а также в комплексах начала XII в. (№ 14–17) (Лапшин, 1992. С. 91–94, 97, 100–102. Рис. 1, 3–7; 2, 1, 2).

Из других форм в яме 6 Болшево 3 следует указать на горшки с секировидными венчиками (вариант 3 – рис. 6, *Б*, 130, 206, 284, 296), с венчиками в виде манжета (вариант 6 – рис. 6, *Б*, 207) и вертикально стоящими воронковидными венчиками (вариант 7 – рис. 6, *А*, 185, 264, 265), один из которых украшен по тулову волной с заострениями (рис. 6, *А*, 183). Среди этой группы посуды имеются ранние признаки. Три венчика и две орнаментированные стенки выполнены из белой глины (рис. 6, *Б*, 130, 189, 284, 285, 286) и украшены двух- и трехрядной волной (рис. 6, *Б*, 130, 189), аналогия которой имеется на селище Дьяково-пойма (Кренке, 2004. Рис. 46, *Б*, 3). Они напоминают горшки типов II, IV, Va Суздаля, которые находят вместе с сосудами со срезанным венчиком в закрытых комплексах и не фиксируют по-

⁵ Используется типология древнерусской керамики Московского региона (Чернов, 2005. С. 111, 112).

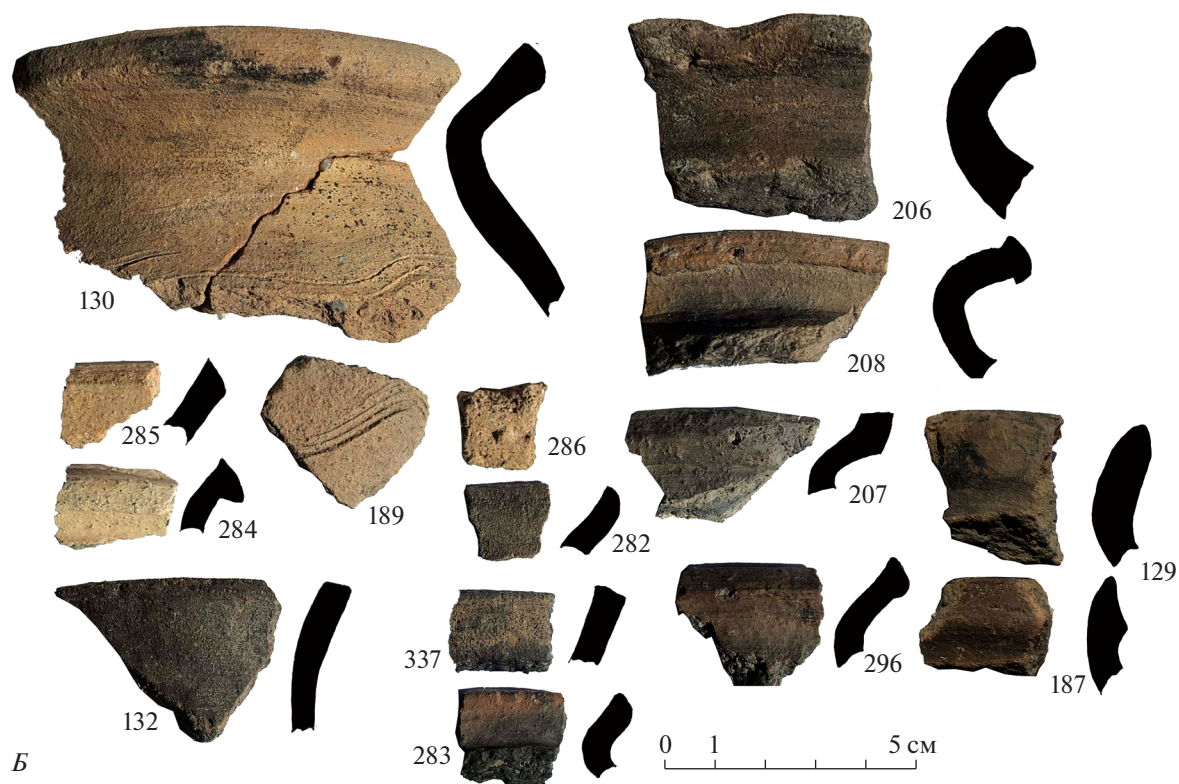

Рис. 6. Керамика селища Болшево 3. Северная усадьба. Комплекс ямы 6. *А* — раннекруговая; *Б* — развитая круговая (курганная).

Fig. 6. Pottery of the Bolshevo settlement 3. Northern estate. Pit complex 6

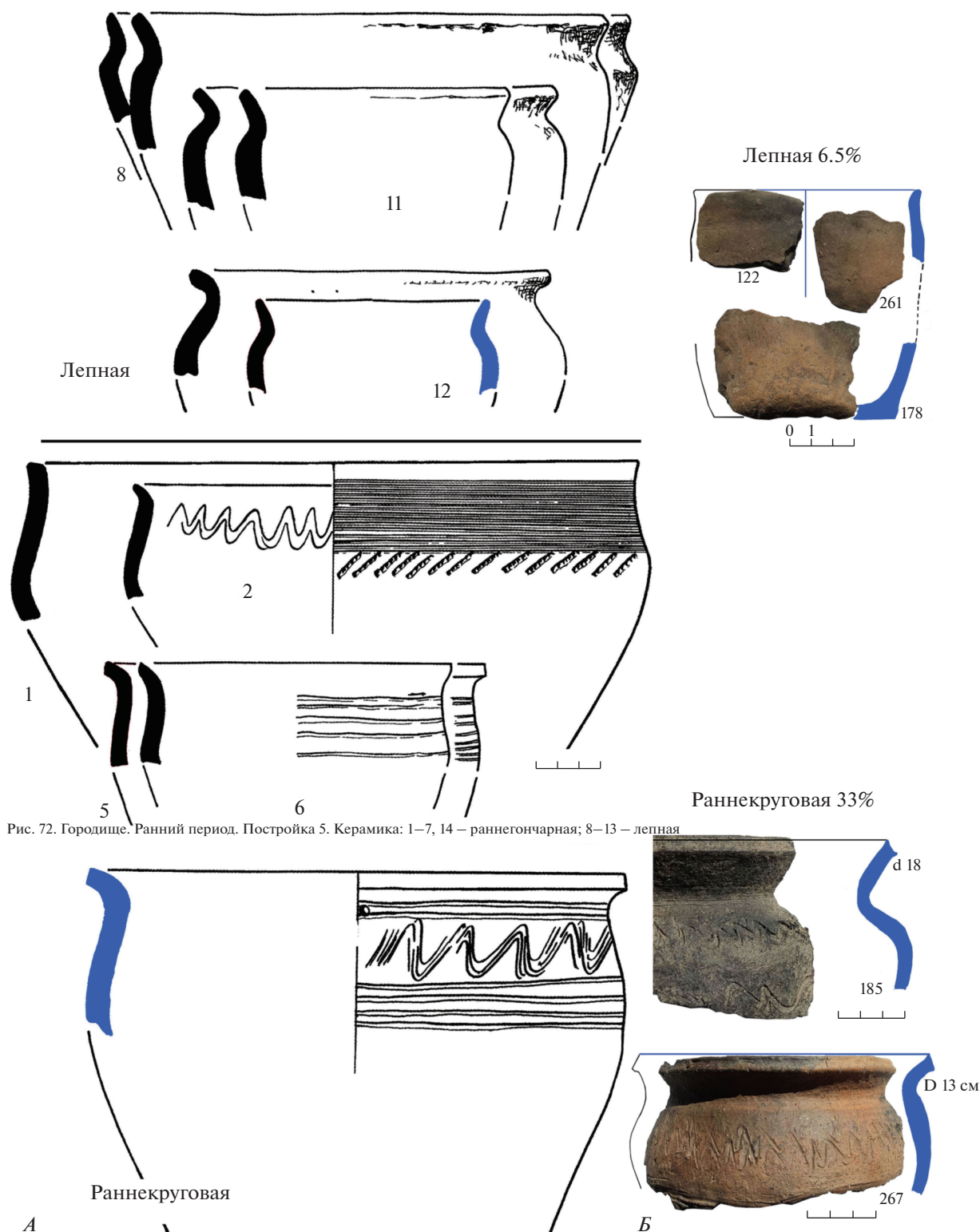

Рис. 72. Городище. Ранний период. Постройка 5. Керамика: 1–7, 14 – раннегончарная; 8–13 – лепная

Рис. 71. Городище. Ранний период. Постройка 5. Керамика: 1–2 – лепная; 3–7 – раннегончарная

Рис. 7. Комплексы керамики постройки 5 городища Городок на Ловати (по: Горюнова, 2016) (А) и ямы 6 северной усадьбы селища Болшево 3 (Б). Общие черты и различия хронологически дистанцированных комплексов. Синим цветом показаны близкие керамические формы.

Fig. 7. Pottery assemblages from construction 5 of Gorodok on the Lovat (after Goryunova, 2016) (A) and pit 6 of the northern estate of the Bolshevo 3 settlement (B). Similar pottery forms are shown in blue

сле начала XII в. (Лапшин, 1992. С. 96, 97, 100, рис. 1, 31, 32, 37, 50; 2, 8, 11, 12).

Среди вертикально стоящих венчиков имеется форма с краем, срезанным горизонтально (рис. 6, А, 264, 265). Наиболее поздняя форма в яме 6 Болшево 3 — горшок с отогнутым наружу валиком и желобком под крышку (рис. 6, Б, 208), которые имеют многочисленные аналогии в комплексах середины—второй половины XII в. округа Москвы (вариант 1 курганной керамики). В Суздале обе эти формы (типы VIa, VIIa по В.А. Лапшину) появившиеся, соответственно, в XI и в конце XI в., начинают доминировать в комплексах середины—второй половины XII в. (Лапшин, 1992. С. 97, 100, 101. Рис. 1, 52, 77).

Подводя итог рассмотрению керамического комплекса из ямы 6, следует сказать, что по соотношению лепной и раннекруговой посуды он занимает промежуточное положение между датированными на основании вещей комплексами из ямы 20 (соотношение лепной и раннекруговой керамики 80/20%) и ямы 31 (раннекруговая и курганная керамика). Это обстоятельство, а также сопоставление с системой закрытых комплексов Суздаля позволяют датировать яму в пределах второй половины XI в. и уверенно говорить о ее функционировании в последней четверти этого столетия.

Чем же можно объяснить, что вместе с широко распространенным сочетанием форм раннекруговой посуды второй половины XI в. в Болшево 3 зафиксированы лепные сосуды баночных форм?

Для ответа на этот вопрос естественно обратиться к памятникам, расположенным на водно-волоковых путях, которые вели к Верхней Клязьме из Тверского Верхневолжья. В Хотяжах (рис. 1, 27), в закрытом комплексе ямы 1 раскопа 1 (10% лепной и 90% раннекруговой керамики) присутствует серия горшков со срезанными, воронковидными и секировидными венчиками (Кренке, 2018. С. 143. Рис. 7, 2, 7, 14), которые весьма близки к описанным выше формам из ямы 6 Болшево 3 (рис. 5, А; 6, А, 183; Б, 130). Н.А. Кренке датирует постройку концом X—XI в., отмечая, что наиболее вероятный вариант интерпретации радиоуглеродной даты — интервал 1020—1050 гг. Более ранняя яма 51, датированная X в. (в соответствии с радиоуглеродной датой и присутствием на памятнике дирхемов 906/907 и 939/940 гг.), содержит исключительно лепную роменскую керамику (Кренке, 2018. С. 140—142. Рис. 6). Таким образом, первопоселенцы Болшево 3 и Хотяжей были носителями разных керамических традиций.

Раннекруговые горшки со срезанным венчиком известны в датированном началом XII в. кургане 1 могильника Никольское 2 в верховьях Клязьмы (Равдина, 1991. С. 8, 67. Табл. 4, 1). В могильнике у д. Шейка, расположенном близ перехода с

р. Малая Истра на р. Тростна (рис. 1, 26), в курганах 36, 72 и 76 найдены горшок (со срезанным венчиком) с германской монетой XI в., горшок баночной формы с четырьмя германскими денариями 1024—1056 гг. и лепная миска с германским денарием 1059—1086 гг. (Равдина, 1991. С. 7, 65. Табл. 2, 1, 2, 3). По этим находкам сложно судить о керамической традиции первопоселенцев.

Перечисленных материалов явно недостаточно, чтобы уяснить закономерности в распространении керамических традиций, которые отражали движение кривичского населения из района Смоленского Поднепровья и новгородско-смоленского пограничья. Наиболее полное место интересующего нас комплекса в керамической традиции этих территорий может быть описано с помощью сравнения с материалами Городка на Ловати, которые представлены 57 комплексами X—XII вв. (Горюнова, 2016).

Как уже отмечалось, ведущая форма лепной керамики ямы 6 — небольшие слабопрофилированные сосуды баночной формы с коротким вертикальным, чуть отклоненным наружу, венчиком (рис. 4, А). В ранних комплексах Городка на Ловати, которые датируются X—первой половиной XI в., подобные сосуды образуют V группу, составляющую около 10% лепной керамики памятника (Горюнова, 2016. С. 27. Рис. 11, 2). Близкие аналогии сосудам из Болшево 3 (с диаметрами венчиков 6—8 и 16,5 см) имеются на городище — в постройках 5 (рис. 7, 12 и др.) и 9 (рис. 8, 1, 2) (Горюнова, 2016. Рис. 69, 4; 88, 2) и на селище — в сооружениях 7 и 14. В последнем обнаружен денарий Оттона-Адельгейды 991—995 гг. с отверстием для подвешивания (Горюнова, 2016. С. 26. Рис. 117, 14; 131, 4).

Подобные баночные сосуды зафиксированы в ранних слоях Витебска и Смоленска (Еремеев, 2015. Рис. 2, 1—4; 11, 1; 64, 5; 66, 1; 71, 3, 4, 7; Ершов и др., 2015. Рис. 1, 5, 6). Сосуды “ладожского” типа с ребром по плечу из ям 6 и 20 центральной усадьбы (рис. 4, Б) имеют аналогии в постройках 1, 4, 6, 9 (рис. 8, 5, 6) городища (Горюнова, 2016. Рис. 54, 1, 4; 63, 5; 74, 1; 86, 6) и сооружении 13 селища, образуют группу 1a (Горюнова, 2016. С. 27. Рис. 126, 6) и широко распространены на новгородском Северо-Западе.

По мнению В.М. Горюновой, керамика I, IV, V групп сохранила традиции лепной керамики длинных курганов Смоленщины и Подвинья. “По сути, — пишет исследователь, — единый комплекс с Городком составляет керамика целого ряда длинных и круглых курганов IX—X вв. бассейнов верхнего течения рек Великой, Западной Двины, Волги: Торопецкий, Березовецкий, Шихинский, Казихинский могильники.... Лепная посуда, сохраняющая традиции культуры длинных курганов, в этих районах нередко встречается

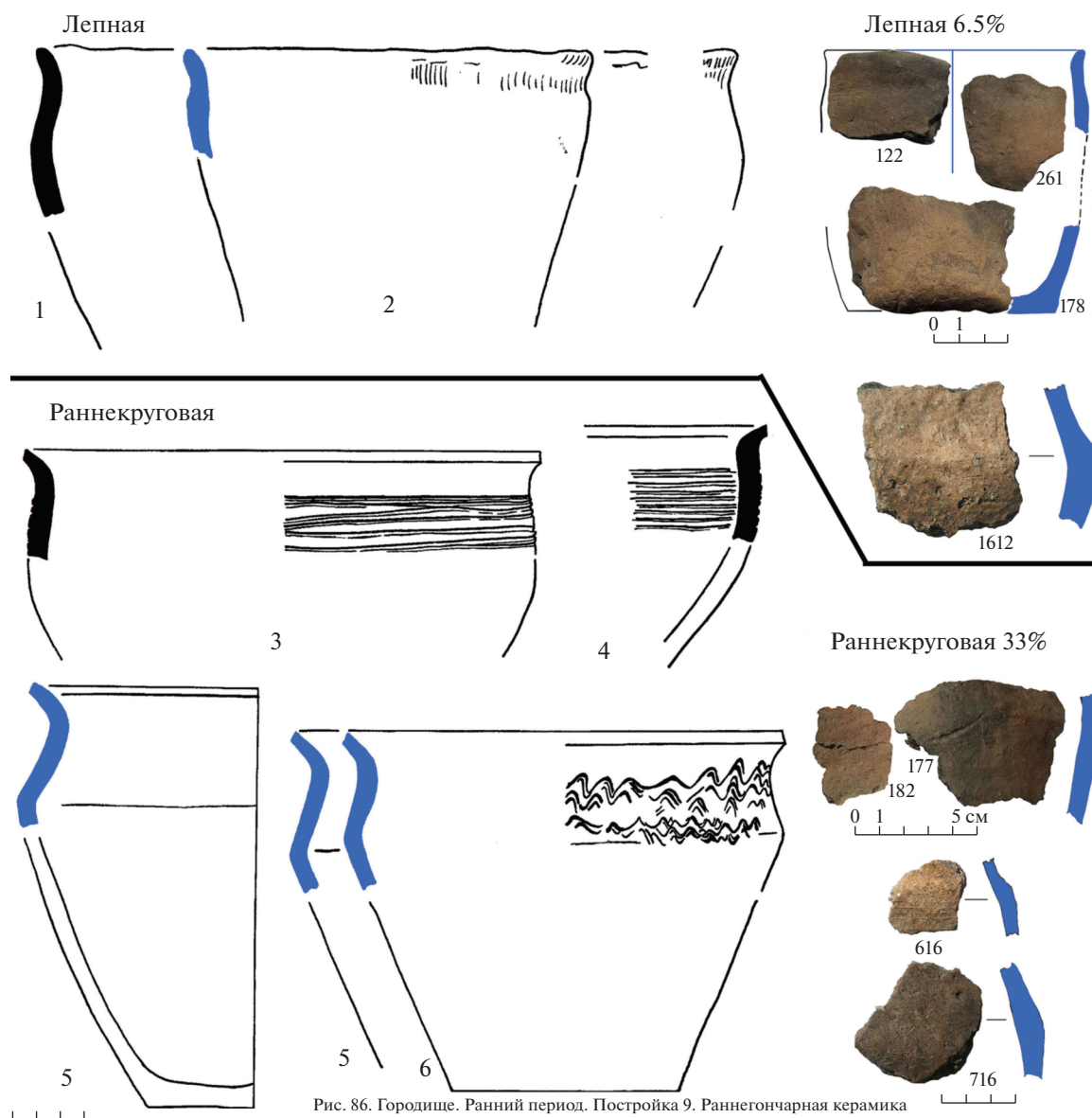

Рис. 88. Городище. Ранний период. Постройка 9. Раннегончарная керамика

А

Б

Рис. 8. Комплексы керамики постройки 9 городища Городок на Ловати (по: Горюнова, 2016) (А) и ямы 6 северной усадьбы селища Болшево 3 (Б). Общие черты и различия хронологически дистанцированных комплексов. Синим цветом показаны близкие керамические формы.

Fig. 8. Pottery assemblages from construction 9 of Gorodok on the Lovat (after Goryunova, 2016) (А) and pit 6 of the northern estate of Bolshevo 3 settlement (Б). Common features and differences of chronologically distant complexes. Similar pottery forms are shown in blue

в курганных погребениях даже XI в. в Березовецком могильнике, Грицково, Пикуново, Горбуновских курганах, Черневичах” (Горюнова, 2016. С. 27, 28).

В свою очередь сосуды с эсовидной профилировкой и срезанным венчиком, украшенные сочетанием волнистого (“дрожащая волна”) и линейного орнамента, которые являются ведущей формой раннекруговой керамики ямы 6 Болшево 3 (рис. 6, 7), находят аналогии в комплексах

раннего периода Городка на Ловати — постройках 1, 4, 5 (рис. 7), 11, 12 городища и сооружении 21 селища (Горюнова, 2016. Рис. 55, 2; 64, 3; 70, 7; 95, 4; 100, 15; 143, 4)⁶.

⁶ В постройке 12, которая датируется автором раскопок последней четвертью X — началом XI в., имеется аналогия (Горюнова, 2016. С. 67. Рис. 100, 13) белоглиняному сосуду с венчиком с расширением с обеих сторон и волнистым орнаментом из ямы 6 (Чернов, 2018. Рис. 20, 130).

Хронология усадеб XI–XII вв. селища Болшево 3

Chronology of estates of the 11th–12th centuries in the Bolshevo 3 settlement

Южная усадьба	Центральная усадьба	Северная усадьба	Керамика, %				Всего керамики, фрагм.	Приблизительная дата ямы, гг.
			Лепная	Ранне-круговая	Развитая круговая (курганная)	Серая		
	Яма 20		80	20			29	1025–1050
								1050–1075
		Яма 6	6.5	33	60.5		329	1075–1100
	Яма 31			5	95		497	1100–1125
Яма 15				23	77		34	
		Яма 8		9	91		142	1100–1150
		Яма 2		3.3	74.7	9.3	312	1125–1175
		Яма 3		2	93.3	4.7	113	
Яма 2					56	44	30	1150–1175

Наряду с системными параллелями лепной и раннекруговой керамики Городка на Волхове и Болшево 3, между ними прослеживается фундаментальное различие, которое отражает разделяющую их хронологическую дистанцию. Распространенная на Оudere и в польском Поморье западнославянская раннекруговая керамика типов Торнов, Фрезендорф, Менкендорф, широко представленная в коллекциях Городка на Ловати (II, III, IV группы и гибридные формы V группы), Рюрикова городища, Новгорода⁷, Пскова и Гнездова в середине X – начале XI в. (Малыгин и др., 2001; с уточнениями: Лопатин, 2011), полностью отсутствует в Болшево 3. Объяснить это можно тем, что в пределах первой четверти XI в. керамика типов Торнов, Фрезендорф, Менкендорф прекращает бытовать, тогда как сочетание местных лепных форм и “срезанных” сосудов (со срезанными венчиками) I группы продолжает использоваться в Городке на Ловати вплоть до середины XI в.

“Возводить постройки второго периода на Городке стали, — отмечает В.М. Горюнова, — не ранее середины XI в., после того как самые поздние сооружения первого периода, даже те, что не сгорели в пожаре (постройка 10 на городище и сооружение 15 на селище), были уже разрушены” (Горюнова, 2016. С. 48). В поздних комплексах Городка на Ловати (второй половины XI в.), в которых отсутствует лепная посуда, также наблюдаются параллели с комплексом из ямы 6 Болшево 3. Горшки со срезанными венчиками (типы II-1 и IIIa-1) близки сосудам из Болшево 3 (рис. 5)

⁷ На Рюриковом городище и в Новгороде за вычетом Торнова.

(постройка 15 на городище — Горюнова, 2016. С. 52. Рис. 181, 10)⁸.

Прослеженные параллели между асинхронными комплексами — первой половины XI в. на Городке на Ловати и второй половины этого столетия на Клязьме — могут быть объяснены лишь с учетом миграционных процессов. По всей видимости, мы имеем дело с керамической традицией, существовавшей в кривичском новгородско-смоленском пограничье и новгородском Верхневолжье во второй четверти XI в., на стадии, когда навыки изготовления лепной посуды баночного типа еще сохранялись, раннекруговые эсвидные сосуды со срезанными венчиками уже использовались, а западнославянские типы раннекруговой посуды (там, где они затронули сельские территории) вышли из употребления. Оказавшись в третьей четверти XI в. в долине Верхней Клязьмы, носители данной традиции какое-то время (на уровне одного-двух поколений) сохраняли привычные им навыки изготовления керамики. Однако в первой четверти XII в., когда в центре поселения возник военно-торговый форпост, лепная керамика ушла в прошлое.

Подобному предположению не противоречат материалы могильника Избрижье, расположенного выше Твери по течению Волги, т.е. на пути миграционного потока населения (Арсланова, 1996; Арсланова, Беляков, 1997). Из раскопок

⁸ Мискообразный горшок из ямы 6 Болшево (рис. 5, Б, 204) близок сосуду из сооружения 33 на селище Городка на Ловати (Горюнова, 2016. Рис. 200, 7). Горшок с каннелурой по краю венчика и “дрожащей волной” из ямы 8 Болшево (Чернов, 2018. Рис. 21, Б, 438) напоминает сосуд из постройки 13 на городище Городка на Ловати (Горюнова, 2016. Рис. 175, 10).

этого памятника происходит 71 целый сосуд⁹. Погребальный обряд свидетельствует о том, что насельники Избрижья были потомками смоленских кривичей и появились на Верхней Волге в период, когда керамика западнославянских типов еще продолжала использоваться (Степанова и др., 2009. С. 95, 96. Рис. 2, 13, 14).

Подведем некоторые итоги. Ранний комплекс северной усадьбы селища Болшево 3 отражает восточные пределы зоны проникновения лепной посуды, восходящей к керамической традиции культуры смоленско-псковских длинных курганов. Ценность Болшево 3 как памятника археологии состоит в том, что он фиксирует на Верхней Клязьме в XI в. самобытную этнокультурную ситуацию, отличающуюся от ситуации в бассейне Москвы-реки, входившей в зону развития роменской археологической культуры.

Сравнение керамических комплексов смоленско-новгородского пограничья, Верхневолжья и ранних памятников северной части позднейшей Московской земли пока ставит больше вопросов, чем дает ответов. Тем не менее очевидно, что для датировки комплексов необходимо учитывать как общую хронологию кривичских древностей, так и хронологию памятников западной части Волго-Окского междуречья, которая была колонизируемой зоной. Это возможно лишь в том случае, если исследование ведется с учетом развития конкретных усадеб и жизненного цикла поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.В.* Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2004. С. 177–192.
- Арсланова Ф.Х.* Погребения с гривнами Избрижского могильника // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории. Вып. 1. Тверь, 1996. С. 26–37.
- Арсланова Ф.Х., Беляков А.С.* Новые материалы из Избрижья // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории. Вып. 2. Тверь, 1997. С. 39–54.
- Беляев Л.А., Кренке Н.А., Шуляев С.Г.* Докремлевская Москва: новые данные по топографии и керамике Даниловских селищ X/XI–XIV вв. // Российская археология. 2010. № 1. С. 104–115.
- Гоняный М.И.* Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Археологический сборник. Памяти Марии Васильевны Фехнер. М.: ГИМ, 1999 (Труды ГИМ; вып. 111). С. 128–146.
- Горюнова М.В.* Городок на Ловати X–XII вв. (К проблеме становления города Северной Руси). СПб., 2016. 328 с.
- Еремеев И.И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона. СПб., 2015. 696 с.
- Ершов И.Н., Кренке Г.А., Кулькова М.А., Олейников О.М., Сыроватко Н.А.* К вопросу о локализации древнейшего Смоленска: археологические и топонимические данные // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н.А. Макарова. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 78–85.
- Жукова Е.Н.* Коллекция керамики Избрижского погребального комплекса // Круг идей: макро- и микро подходы в исторической информатике. Т. 2. Минск, 1998. С. 92–97.
- Жукова Е.Н.* Гончарство древнерусской деревни Тверского Поволжья X–XIII вв. // Из архива тверских историков. Вып. 2. Тверь, 2000. С. 15–22.
- Зайдов О.Н., Кренке Н.А., Лазукин А.В.* Новые данные о комплексе памятников у д. Хотяжи на Москве-реке (к проблеме славянской колонизации Подмосковья) // Российская археология. 2018. № 4. С. 139–148.
- Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX–XIII вв. Л.: Наука, 1973 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1-36). 138 с.
- Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. № 65. М., 1959. С. 7–120.
- Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 156–177.
- Кренке Н.А.* Археологическая карта Коломенского в древнерусский период (XI–XIII вв.) // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты Т. 1. М., 2004. С. 203–213.
- Кренке Н.А.* Новые данные о комплексе памятников у д. Хотяжи на Москве-реке (к проблеме славянской колонизации Подмосковья) // Российская археология. 2018. № 4. С. 130–148.
- Лапшин В.А.* Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика / Отв. ред. С.А. Плетнева. М., 1992. С. 90–102.
- Леонтьев А.Е.* Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко, 1996. 340 с.
- Лопатин Н.В.* К дискуссии о происхождении формы горшка с цилиндрическим горлом на Руси // Археология и история Пскова и Псковской земли. М., Псков, 2011. С. 249–256.
- Малыгин П.Д., Гайдуков П.Г., Степанов А.М.* Типология и хронология Новгородской керамики X–XV вв. (По материалам Троицкого XI раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 15. Великий Новгород, 2001. С. 82–97.
- Московская керамика. Новые данные по хронологии* / Отв. ред. С.З. Чернов, М.Д. Полубояринова. М.: ИА РАН, 1991. 198 с.
- Равдина Т.В.* Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991. С. 7–13.
- Савельев Н.И., Сергеев А.Ю., Чернов С.З.* Усадьба служилого человека 1540–1550-х гг. на посаде Радоне-

⁹ Подробнее о керамике Избрижья см. Жукова, 1998, 2000.

- жа по данным раскопок 2014 г. // Археология Подмоскoвья. Материалы научного семинара. Вып. 12. М.: ИА РАН, 2016. С. 299–332.
- Степанова Ю.В., Пежемский Д.В., Жукова Е.Н. Древнерусское население Верхневолжья: погребальный обряд и палеоантропология (по материалам Избржского могильника) // Вестник Тверского гос. университета. Серия История. 2009. Вып. 1. С. 90–107.
- Чернов С.З. Археологические исследования для разработки генерального плана г. Королев в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 24255.
- Чернов С.З. Археологические памятники Болшево на Клязьме и Яузский волок // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. I. Расселение и освоение земель и природная среда в округе Москвы XII–XIII вв. М., 2004. С. 228–277.
- Чернов С.З. Домен московских князей в городских стенах. 1271–1505 годы. М.: Наука, 2005 (Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты; т. 2). 650 с.
- Чернов С.З. Двор с монетными весами в д. Власьевской близ Звенигорода: “другой” XV век // Археология Подмоскoвья. Материалы научного семинара. Вып. 13. М.: ИА РАН, 2017. С. 309–345.
- Чернов С.З. Болшево-3 на верхней Клязьме: северная усадьба и ее этнокультурные особенности (по данным раскопок 2012 г.) // Археология Подмоскoвья. Материалы научного семинара. Вып. 14. М.: ИА РАН, 2018. С. 64–104.
- Чернов С.З., Волков И.В. Болшево-3 – древнерусское поселение XI века на верхней Клязьме // Археология Подмоскoвья. Материалы научного семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН, 2009а. С. 112–136.
- Чернов С.З., Волков И.В. Болшево-3 и особенности древнерусской колонизации севера Московского края в XI веке // Великий Новгород и средневековая Русь. Сб. статей к 80-летию акад. В.Л. Янина. М.: Памятники исторической мысли, 2009б. С. 546–572.
- Чернов С.З., Волков И.В. Постройка первой половины XII века селища Болшево-3 на верхней Клязьме (яма 31) // Археология Подмоскoвья. Материалы научного семинара. Вып. 6. М.: ИА РАН, 2010. С. 139–163.
- Чернов С.З., Волков И.В. Археологические маркеры смутного времени: Комплекс керамики с кладом из Лешково-6 и датировка запустения малодворных деревень Радонежского края // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII веков. М.; Вологда: Древности Севера, 2016. С. 279–323.
- Юшко А.А. Ранние славяне в Подмоскoвье // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 323–335.

COMPLEXES OF HANDMADE AND EARLY WHEEL-MADE CERAMICS IN THE WESTERN PART OF THE VOLGA-OKA INTERFLUVE: CHRONOLOGICAL RHYTHMS OF MIGRATION

Sergei Z. Chernov^{a, #}

^a Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#] E-mail: chernovsz@mail.ru

The author assumes that the composition of pottery from the settlement of Bolshevo 3 in the Upper Klyazma (Moscow Region) of the second half of the 11th century dates back to the pottery tradition of the Novgorod-Smolensk borderlands of 1025–1050 and the Upper Volga. During this period, the skills of making hand-coiled pottery of the jar type were still preserved, early wheel-made S-shaped vessels with cut rims were already in use, and the West Slavic types of early wheel-thrown pottery had fallen into disuse. Closed pottery complexes of the 11th century, including handmade and early wheel-made ware, are considered as a source for establishing the date of the settlement. The author believes that the asynchrony of complexes close in typological composition makes it possible to obtain additional historical information about migration directions.

Keywords: Rus, the 11th century pottery, the settlement of Bolshevo 3, Krivichs, Gorodok on the Lovat.

REFERENCES

- Alekseev A. V., 2004. A group of sites of the Rus period at the village of Khotyazhi. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminar [Archaeology of the Moscow vicinity: Proceedings of a Scientific seminar]*. Moscow: IA RAN, pp. 177–192. (In Russ.)
- Arslanova F.Kh., 1996. Burials with neck-rings in the Izbrizhye burial ground. *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya [Tver, the Tver land and adjacent territories in the Middle Ages]*, 1. Tver', pp. 26–37. (In Russ.)
- Arslanova F.Kh., Belyakov A.S., 1997. New materials from Izbrizhye. *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya [Tver, the Tver land and adjacent territories in the Middle Ages]*, 2. Tver', pp. 39–54. (In Russ.)
- Belyaev L.A., Krenke N.A., Shulyaev S.G., 2010. Pre-Kremelin Moscow: new data on the topography and ceramics

- of the Danilov settlements. 10th/11th–14th cc. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 104–115. (In Russ.)
- Chernov S.Z. Arkheologicheskie issledovaniya dlya razrabotki general'nogo plana g. Korolev v 2000 g. [Archaeological research for the development of a master plan for the city of Korolev in 2000]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R–1, № 24255.
- Chernov S.Z., 2004. Archaeological sites of Bolshevo on the Klyazma and Yauza portage. *Kul'tura srednevekovoy Moskvy. Istoricheskie landshafty [The culture of medieval Moscow. Historical landscapes]*, 1. Rasselenie, osvoenie zemel' i prirodnaya sreda v okruge Moskvy XII–XIII vv. [Settlement, land development and the natural environment in Moscow environs in the 12th–13th centuries]. L.A. Belyaev, ed. Moscow: Nauka, pp. 228–277. (In Russ.)
- Chernov S.Z., 2005. Domen moskovskikh knyazey v gorodskikh stanakh. 1271–1505 gody [Domain of Moscow princes in town camps. 1271–1505]. Moscow: Nauka. 650 p. (Kul'tura srednevekovoy Moskvy. Istoricheskie landshafty, 2).
- Chernov S.Z., 2017. A yard with coin scales in the village of Vlas'yevskaya near Zvenigorod: “another” 15th century. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow vicinity: Proceedings of a Scientific seminar]*, 13. Moscow: IA RAN, pp. 309–345. (In Russ.)
- Chernov S.Z., 2018. Bolshevo-3 on the upper Klyazma: the northern estate and its ethnic and cultural peculiarities (based on the 2012 excavations). *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow vicinity: Proceedings of a Scientific seminar]*, 14. Moscow: IA RAN, pp. 64–104.
- Chernov S.Z., Volkov I.V., 2009a. Bolshevo-3 – a Rus settlement of the 11th century on the upper Klyazma. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow vicinity: Proceedings of a Scientific seminar]*, 5. Moscow: IA RAN, pp. 112–136. (In Russ.)
- Chernov S.Z., Volkov I.V., 2009b. Bolshevo-3 and features of the Old Russian colonization of the Moscow land's north in the 11th century. *Velikiy Novgorod i srednevekovaya Rus': sbornik statey k 80-letiyu akademika V.L. Yanina [Veliky Novgorod and medieval Rus: Collected articles to the 80th anniversary of Academician V.L. Yanin]*. N.A. Makarov, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 546–572. (In Russ.)
- Chernov S.Z., Volkov I.V., 2010. A structure of the first half of the 12th century at the Bolshevo-3 settlement on the upper Klyazma (pit 31). *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow vicinity: Proceedings of a Scientific seminar]*, 6. Moscow: IA RAN, pp. 139–163. (In Russ.)
- Chernov S.Z., Volkov I.V., 2016. Archaeological markers of the Time of Troubles: A pottery complex from the Leskhovo-6 hoard and dating of the desolation of small villages in the Radonezh land. *Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vekov [From Troubles to Empire. New discoveries in the archaeology and history of Russia in the 16th–18th centuries]*. L.A. Belyaev, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 279–323. (In Russ.)
- Eremeev I.I., 2015. Drevnosti Polotskoy zemli v istoricheskoy izuchenii Vostochno-Baltiyskogo regiona [Antiquities of the Polotsk land in the historical study of the East Baltic region]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 696 p. (Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, 44).
- Ershov I.N., Krenke G.A., Kul'kova M.A., Oleynikov O.M., Syrovatko N.A., 2015. On the localization of Old Smolensk: Archaeological and toponymic data. *Goroda i vesi srednevekovoy Rusi: Arkheologiya, istoriya, kul'tura: k 60-letiyu N.A. Makarova [Towns and villages of medieval Rus: Archaeology, history, culture: to the 60th anniversary of N.A. Makarov]*. P.G. Gaydukov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 78–85. (In Russ.)
- Gonyanny M.I., 1999. Archaeological sites of the initial stage of the Slavic colonization in the middle reaches of the river Pakhra in Moscow vicinity. *Arkheologicheskiy sbornik: pamyati Marii Vasilyevny Fekhnner [Archaeological collection: in memory of Maria Vasilyevna Fekhnner]*. N.G. Nedoshivina, ed. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 128–146. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 111). (In Russ.)
- Goryunova M.V., 2016. Gorodok na Lovati X–XII vv. (K probleme stanovleniya goroda Severnoy Rusi) [Gorodok on the Lovat, 10th–12th centuries. (On the formation of towns in Northern Rus)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 328 p. (Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, 47).
- Kirpichnikov A.N., 1973. Snaryazhenie vsadnika i verkhovogo konya na Rusi v IX–XIII vv. [Riding and horse gear in Rus in the 9th–13th centuries]. Leningrad: Nauka. 140 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, EI-36).
- Kolchin B.A., 1959. Ironworking craft of Veliky Novgorod. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Proceedings of the Novgorod archaeological expedition]*, II. A.V. Artsikhovskiy, B.A. Kolchin, eds. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 7–120. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 65). (In Russ.)
- Kolchin B.A., 1982. Chronology of Novgorod antiquities. *Novgorodskiy sbornik. 50 let raskopok Novgoroda [Novgorod collection. 50 years of excavations in Novgorod]*. B.A. Kolchin, V.L. Yanin, eds. Moscow: Nauka, pp. 156–177. (In Russ.)
- Krenke N.A., 2004. Archaeological map of Kolomenskoye in the Old Rus period (11th–13th centuries). *Kul'tura srednevekovoy Moskvy. Istoricheskie landshafty [The culture of medieval Moscow. Historical landscapes]*, 1. Rasselenie, osvoenie zemel' i prirodnaya sreda v okruge Moskvy XII–XIII vv. [Settlement, land development and the natural environment in Moscow environs in the 12th–13th centuries]. L.A. Belyaev, ed. Moscow: Nauka, pp. 203–213. (In Russ.)
- Lapshin V.A., 1992. Pottery scale of pre-Mongolian Suzdal. *Drevnerusskaya keramika [Pottery of Rus]*. S.A. Pletneva, ed. Moscow, pp. 90–102. (In Russ.)
- Leont'ev A.E., 1996. Arkheologiya meri. K predystorii Severo-Vostochnoy Rusi [Archaeology of the Meryans. To the prehistory of North-Eastern Rus]. Moscow: Geoeko. 340 p.

- Lopatin N.V., 2011. To the discussion about the origin of the pot shape with a cylindrical neck in Rus. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli. Seminar imeni akademika V.V. Sedova: materialy 56-go zasedaniya* [Archaeology and history of Pskov and the Pskov land. Academician V.V. Sedov seminar: Proceedings of the 56th meeting]. Moscow; Pskov, pp. 249–256. (In Russ.)
- Malygin P.D., Gaydukov P.G., Stepanov A.M., 2001. Typology and chronology of Novgorod pottery in the 10th–15th century (Based on the evidence from the Troitsky XI excavation site). *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: materialy nauchnoy konferentsii* [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology: Proceedings of a Scientific conference], 15. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"edinenyy muzey-zapovednik, pp. 82–97. (In Russ.)
- Moskovskaya keramika. Nove dannye po khronologii [Moscow pottery. New data on chronology]. S.Z. Chernov, M.D. Poluboyarinova, eds. Moscow: Institut arkheologii Akademii nauk SSSR, 1991. 198 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskv, 5).
- Ravdina T.V., 1991. Pottery from dated burials in mounds near Moscow. *Moskovskaya keramika. Nove dannye po khronologii* [Moscow pottery. New data on chronology]. S.Z. Chernov, M.D. Poluboyarinova, eds. Moscow: Institut arkheologii Akademii nauk SSSR, pp. 7–13. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskv, 5). (In Russ.)
- Savel'ev N.I., Sergeev A.Yu., Chernov S.Z., 2016. An estate of a service man of the 1540s–1550s in the settlement of Radonezh based on the 2014 excavations. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara* [Archaeology of Moscow vicinity: Proceedings of a Scientific seminar], 12. Moscow: IA RAN, pp. 299–332. (In Russ.)
- Stepanova Yu.V., Pezhemskiy D.V., Zhukova E.N., 2009. Old Rus population of the Upper Volga region: funeral rite and palaeoanthropology (based on evidence from the Izbrizhye burial ground). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of Tver State University. Series: History], 1, pp. 90–107. (In Russ.)
- Yushko A.A., 1998. Early Slavs in Moscow region. *Istoricheskaya arkheologiya. Traditsii i perspektivy* [Historical archaeology. Traditions and prospects]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 323–335. (In Russ.)
- Zaidov O.N., Krenke N.A., Lazukin A.V., 2018. New data on the complex site near the village of Khotyazhi on the Moskva River (to the Slavic colonization of Moscow region). *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 4, pp. 130–148. (In Russ.)
- Zhukova E.N., 1998. Collection of pottery from the Izbrizhye burial complex. *Krug idey: makro- i mikropodkhody v istoricheskoy informatike* [Circle of ideas: Macro- and micro-approaches in historical informatics], 2. Minsk: Belorusskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 92–97. (In Russ.)
- Zhukova E.N., 2000. Pottery of the Rus village in Tver area of the Volga region in the 10th–13th centuries. *Iz arkhiva tverskikh istorikov* [From the archives of Tver historians], 2. Tver', pp. 15–22. (In Russ.)